

Асель

Омар

ВРЕМЯ АСКАРОВА

О книге «Пестрые горы, снежные вершины».

Алматы, «Паритет», 2020 г.

Открывая едва ли не любое произведение Алибека Аскарова, сразу попадаешь в неповторимый мир – обширный, значительный, богатый, в мир, проблемы которого имеют исключительное значение. Писатель расшифровывает законы этого мира, объясняет его структуру. С одной стороны, в созданном Аскарковым мире человеческое бытие хрупко, непредсказуемо, человек словно «щепка в водоворотах», игрушка в руках судьбы. Но, с другой стороны, каждый рассказ или повесть открывает в персонаже целое мироздание, величественный характер, который раскрывается через биографию эпического масштаба, которая способна достойно противостоять неизбежному и подчас сокрушительному стечению обстоятельств.

Послевоенный социализм, который застали и ныне живущие поколения, осмыслен автором в цикле «Рассказы минувшей эпохи». Аскарлов исследует способ бытования людей в эту эпоху с позиции современного постмодерна, который возвестил конец всяких ценностных иерархий и господствующих канонов. Автор обнажает лицемерие и глобальное противоречие между идеями бесклассового общества, братства народов, и реальностью, где собственные граждане разделяются на «своих» и «врагов». Противоречие, которое позволяло власти ломать человеческие судьбы. Политическую власть советской эпохи автор считает виновной в человеческих трагедиях, и это концепция нового времени, ведь как писал Лиотар, «нет знака или мысли о знаке, которые были бы не от власти и не от власти».

«Рассказы минувшей эпохи» представляют собой эпифании в художественном смысле этого слова. Озарение, открытие о человеке проявляется в небольшой детали, в нескольких словах, в полутонах смысла и негромких фразах. Авторский голос сопровождает читателя спокойно и непредвзято, следуя как бы по краю смысла, но мы улавливаем интонацию сочувствия, которая вдруг, в одночасье, переворачивает огромный пласт жизни, открывая лирическую тайну человека, свою – у каждого жителя Ойкумены Аскарлова. Его герои – люди простые и скромные, соль земли. Они привыкли держать свои чувства при себе, узнать об этих переживаниях можно лишь прислушавшись, остановившись на время, чтобы понять, что кроется за словом, которое эти люди даром не роняют, что

таится в их взгляде. Писатель владеет удивительным способом узнать и показать читателю сокровенную тайну человека. Так, герой рассказа «Соленое сердце» Долдаш увлекается литературой о войне, но на самом деле он ищет след своего брата, не вернувшегося с войны. Мы проникаемся откровением о Долдаше, сочувствуем ему, когда узнаем: «Его лицо, как у ребенка, лучилось радостью, а сон был на зависть сладким. К груди он нежно прижимал толстенную книгу... Вот так, читая, видимо, и заснул. На стуле, подле кровати разбросано еще с пяток каких-то книг. И все, о небеса, про Сталинградский фронт...»

Некоторые события нашего прошлого, фигурирующие в цикле рассказов, казалось бы, канули в Лету, однако их последствия мы ощущаем и сегодня. Например, двухгодичный запрет поступления в вуз для выпускников сельских школ и направление их в комсомольско-молодежные чабанские бригады оставили целое поколение в деревенских пастухах («Обманутое поколение»). Факт, не заметный людям в больших городах, поручение, исполняемое на уровне местного начальства, неприметные притеснения беззащитных аульных казахов, и без того не избалованных жизнью, оборачивается серьезным ударом по судьбам целого народа. Это не рядовое притеснение, сломавшее жизни многих одаренных молодых людей, так и не воплотивших в жизнь свои мечты, искусственно оставленных позади прогресса. Мы потеряли поколения людей интеллектуальных профессий, пропустили шаги в развитии в стране неравных возможностей, не утратившей признаков колониализма. Представители власти, выполнявшие подобные приказы, осознавали происходящее, как и сами деревенские люди, однако часто, как герой рассказа «Голос из прошлого» Кайбар, знали, что «в это болото, именуемое политикой, ни в коем случае нельзя углубляться, и свои мысли по этому поводу высказывать опасно... И потому бдителен не только по отношению к другим, но и по отношению к себе, в первую очередь». Метафорически главный герой произведений Аскарова и есть та самая человеческая трагедия, тихая, незаметная, глубоко внутренняя, не говорящая лозунгами, громкими голосами, и которую мир увидел благодаря писательской пронизательности Аскарова.

Ценность личности, способной выстоять и не сломаться, а даже двигаться вперед – одна из жизнеутверждающих идей писателя. Есть у него и герои, которые неожиданно открывают нам свое благородство, отступая от правил, установленных властью. Суровый и властный редактор газеты Балтабай из рассказа «Облава на любовь» избавляет от расправы в КГБ молодого журналиста Айсултана, который попался на крючок комитетчикам из-за своей неожиданной запретной любви. Получив письмо из Комитета, Балтабай «сложил его вместе с конвертом пополам, порвал и выбросил в корзину. Затем вытащил из кармана белый батистовый носовой платок и тщательно вытер руки».

Аскарлов уверен, что эпоху делают личности, то есть те, кто не теряет человеческого облика даже в нечеловеческих условиях, в атмосфере страха и насилия. Эти личности и противостоят системе, которой выгодно держать народ в состоянии послушного, безмолвного, запуганного стада. «Стадо», «толпа» – именно так герои книги характеризуют общество того времени, сообщество запуганных, обманутых и оболганных людей. Герой повести «Калжан и Лязиза», попав в сталинский лагерь, в полной мере ощутил себя частью бесправного народа, обезличенной массы, глядя на своих сокамерников: «Не профессор, не акаде-

мик, а один из толпы... Я ни секунды не сомневался в том, что меня упрятали в тюрьму по чьей-то нелепой ошибке. Но безоговорочно верил в то, что эти именитые ученые являются “врагами народа”». Это понятие для автора становится символом кровавой и жестокой эпохи, которая не должна повториться.

Повесть «Калжан и Лязиза» по лаконичности и выразительности, по сюжету в этом сборнике выделяется особенно. Повесть перемещает нас в довоенное время и проводит повествование до «оттепели». В селе, затерянном в горах Алтая, в беседе пастухов разворачивается Одиссея сельского жителя, в два раза более продолжительная, чем гомеровская. Аскарков выносит повествование за рамки коммунистической доктрины, за рамки вообще какой-либо идеологии, освобождая поле для апокрифа человеческой жизни. Автор подчеркивает попытки человека наладить собственную – обычную, нормальную жизнь в условиях хаоса, который обрушивается на человека все новыми волнами, давая лишь короткие передышки. Политика и есть олицетворение хаоса, питающегося человеческими жертвами. Хрупкость человеческого существа перед хаосом в повести преодолевается невероятно сильной волей к жизни, а способность уцелеть в смертельных условиях обуславливается внутренними установками человека – его желанием жить и любить вопреки силам смерти.

Ужасы, пытки, издевательства, ежеминутная близость смерти, попрание достоинства – эти глобально страшные вещи вплетаются автором в текст повествования. При этом у Аскаркова отсутствует обличительный пафос, он всегда готов снизить любой пафос иронией, он – за настоящее, неподдельное, живое в человеческой натуре, и он чувствует и понимает это с тонкостью философа и психолога.

Колыма и Заксенхаузен, занявшие большую часть евразийского материка, царство смерти, перекачивали человеческий материал туда и обратно, как это произошло в судьбе Калжана Дуйсенова, на дьявольских качелях лагерей – из сталинского лагеря в фашистский и обратно. «Ну, мсье Дюпен, куда же вы теперь направите свои стопы?.. Если говорить начистоту, мне некуда было идти, я оказался бродягой... Меня не было ни среди живых, ни среди мертвых», – кратко и точно определяет свое положение в мире Калжан, названный Жан Дюпеном по французским документам, выданным американцами после освобождения из Заксенхаузена. В своем повествовании Аскарков не сентиментален, его чувственность – нечто другое, более серьезное, он обладает сочувствием к отдельно взятому человеку, его чувствам и страданиям, попыткам человека защитить, восстановить поправное достоинство, его способности противостоять смерти.

В то время как советская литература запретила всякую возможность сочувствия к классово чуждому элементу, политическим заключенным, вынесла их за рамки экзистенции, Аскарков создает новую литературу, в которой авторская эмпатия – на стороне обездоленных в реальной, не придуманной идеологией жизни, вне игры с политическими клише. Подобный подход начался с лагерной прозы – Василий Гроссман, Варлам Шаламов, Жаик Бектуров. В романе Гроссмана «Жизнь и судьба» впервые в бывшем СССР появилось сравнение «Колымы» и «Освенцима», лагеря Сталина и лагеря Гитлера, массового голода и репрессий, как явлений одного порядка. Бектуров, прошедший войну и лагерь, создал роман «Таңба», как мартиролог ГУЛАГа. Повесть Аскаркова в

своем осмыслении советской и мировой истории 20 века находится в русле этого мировоззрения.

Повесть «Калжан и Лязиза» стилистически близка к прозе этих писателей. Неореализм, говорящий с нами на языке прямого описания событий, не делающий выводов за читателя, представляя ему самому сделать выводы. Шаламов выразил этот подход, который, думается, применим к прозе Аскарлова, в одном из своих писем: «Я привык с жизнью встречаться прямо. Не отличая большого от малого». В повести Аскарлова мы встречаемся с жизнью без прикрас, с событиями жизни рядовых людей и эпохальными событиями большой истории, и оба уровня бытия равнозначны для автора. В результате нам открывается нечто большее, скрывающееся за событиями: мы приближаемся к правде одного человека, и в нем – вся вселенная. Если по каким-либо причинам несчастен один человек, если он оскорблен, подвергнут насилию, унижен, то унижено, оскорблено и страдает само мироздание.

Стиль Аскарлова объяснен как нельзя лучше опять-таки Шаламовым, который из 20 века обращался к нам сегодняшним: «Проза будущего кажется мне прозой простой, где нет никакой витиеватости, с точным языком, где лишь время от времени возникает новое, впервые увиденное – деталь или подробность, описанная ярко».

Аскарлов возвращает нас от глобальных исторических событий и больших идей на землю каждой своей фразой, каждой подробностью повествования, описанием переживаний своих героев. В концлагере Калжан обретает брата, украинца Виктора Крупко. Как и Калжан, Крупко сумел сохранить человечность, которую не всякий сохранит в атмосфере абсолютного ее уничтожения, обоих в атмосфере смерти и ужаса не покидала мысль о том, что этот кошмар можно преодолеть. Калжана держала на этой земле любовь к женщине, его жене Лязизе, Крупко – любовь к своей земле, непримиримость к несправедливому отношению к ней: «...есть предположение, что к нам первыми придут американцы. Если так случится, я не вернусь к красным, уйду на Запад. За свободу Украины буду бороться за границей. Иначе, если попадешься в руки Советов, – сгноят в тюрьме», – делится Виктор с Калжаном. Смерть Виктора в концлагере Калжан описывает так: «...этот человек с высоким гражданским духом оступился и сломал ногу, когда грузил в вагонетку камень. Это был открытый перелом голени, голая часть кости торчала снаружи... примчался длинный, как жердь, заносчивый офицер и рывкнул: “Разойдись!”». Он разогнал пленных, сгрудившихся вокруг стонущего Виктора, а затем пристрелил его, как какую-нибудь скотину». К ужасу Калжана, предсказание Виктора сбылось, и Калжан, возвратившись на родину, снова попадает в лагерь Советов.

А вот как передает автор состояние героя после возвращения на родину, встретившую его новыми смертями и лагерями: «Мы беспрекословно подчинились и, выстроившись в ряд, пошли туда, куда он нас погнал. Я шел, дрожа всем телом, как в январский мороз. Внутри меня что-то безвозвратно умерло». Когда слушающий рассказ о жизни Калжана пастух, потрясенный, предлагает выпить, Калжан смущается: «Зачем беспокоиться!.. Не стоит он того, рассказ-то мой». Скромный, тихий человек, он не считает свою жизнь стоящей рассказа, ведь герои – только те, кого принято называть героем, уж точно не он. Но его дождалась его любовь, это самая большая награда в его жизни – женщина,

которую он любил. Нужна ли такая история сегодня? В современном мире, где стремление превратить людей в стадо, толпу, где войны не прекращаются, а запрос на справедливость только возрастает, эта история снова задевает за самые живые сердечные струны и напоминает о ценности человеческой жизни.

Потрясающая история жителя казахской глубинки длиной в более чем двадцать с лишним лет завершается возвращением к своей деревенской жизни и труду после своей трагической одиссеи, в ту же точку мироздания, откуда он и начал свой путь. История человека, ставшего свидетелем, очевидцем и участником событий мирового масштаба, рассказана им самим в долгую зимнюю ночь на далеком пастбище пастуху и юному подпаску – будущему писателю, щелкающему кедровые орехи. Чем не апокрифический текст, возвышающийся над временем и ландшафтом, звучащий как призыв к любви и свободе.

Яркие, восхитительные, не имеющие себе равных женские портреты, созданные Аскарковым, заслуживают отдельного упоминания. Женщины в изображении Аскарова – это лирика и любовь, его восхищения женщиной нельзя не заметить, недаром автор создал цикл рассказов, который так и называется «Благословите женщину!» Таковы учитель Загира Нусупбаевна, героиня рассказа «Загира-апай», человек с гражданской позицией, смело отстаивающая интересы своих учеников, способная пойти против мнения властей в самые жесткие советские годы. Таковы верные, преданные красавица Лязиза, петербурженка Анна-Лиза, военная медсестра Шура, крестьянка Магиза, благородная Балганым, учительница Гульзина – женщины удивительной внутренней силы и стойкости, их глаза, их удивительная сила характера вытягивают мужчин из хаоса и сумятицы окружающего мира, сохраняя жизнь им и их детям, укрепляя веру в мир и человека.

Вместе с тем тема несбывшейся любви занимает особое место в прозе Аскарова. Гуманизм писателя лиричен: автор утверждает, что любовь способна сохранить человека в условиях войны и концлагерей, когда смерть преследует его повсюду. В рассказе «Рубаха» взглядом старого Закарии мы видим молодых, красивых женщин – солдатских вдов, так и не узнавших женского счастья, оставшихся одиночками в расцвете лет. Их красота и темперамент так и остались нераскрытыми, неразгаданными, нерастраченными. Снова одна небольшая деталь – улетевшая вслед за ветром выстиранная детская рубаха, которую они провожают взглядом, неведомым нам путем взрывает солнечный летний день женскими горькими слезами. Кто знает, почему и когда это происходит – женское сердце вдруг выплескивает свою боль, несбывшуюся любовь, горькую жизнь. Свидетелем этого одного-единственного невероятного излияния боли и горечи становится старик Закария. Он все понял, хлестнул коня, чтобы не разрыдаться самому, и сказал то, что только мог или должен был сказать: «Довольно реветь!.. Перестаньте! Если бы мир стал от ваших слез лучше, это давно бы произошло. Слезами горю не поможешь! Довольствуйтесь тем, что имеете, смиритесь с тем, чего нет». Автор сожалеет, плачет вместе со старым Закарией о молодых и одиноких матерях, переживших голод и войны. Женское царство, воспитывающее своих детей, – образ до боли пронзительный. Кто их видит, кто их жалеет – один лишь старик, пока их дети, их маленькие мужчины, еще не понимают этого бескрайнего вселенского женского одиночества, одиночества, противного человеческой природе.

Причины, по которым выживание человека невероятным образом оказывается возможным, кроются в самих героях, которых в их решающие минуты автор рисует без пафоса, и в такие моменты персонаж становится героем поистине эпическим. По мнению известного психолога и философа Виктора Франкла, прошедшего фашистский концлагерь, способность к выживанию имели не те, кто имел наиболее крепкое здоровье, а те, кто отличался наиболее крепким духом, кто имел смысл, ради которого стоит жить. Одна из известных идей Франкла заключается в том, что «человек не должен спрашивать, в чём смысл его жизни, но, скорее, должен осознать, что он сам и есть тот, к кому обращён этот вопрос». В своей прозе о лагере Аскарлов именно так определяет человека – как индивида, который порождает смысл, отвечает на свои вопросы, отвечает за свой выбор.

Повесть «Однажды осенью, далеко в горах» следует логике любовного сюжета. Живописец, покинув столицу, встречает в горах Алтая настоящую любовь. Зрелые, сильные чувства поздней любви пробуждают его к жизни и творчеству. События разворачиваются в первые трудные годы обретения независимости, параллельно в ретроспективе и перспективе, создавая сюжет об уединении и просветлении. Жанимхан, один из положительных героев Алтайской эпопеи Аскарлова, заново переживает в своей памяти события молодости. Эти два «я» в рамках вступают друг с другом в экзистенциальный диалог о любви и преодолении отчаяния.

Аскарлов снова с любовью рисует женщину, возлюбленную Жанимхана, Гульзину – сильную, гордую, настоящую, способную на верность и любовь. Она не жертва обстоятельств. Это женщина, умеющая сделать осознанный выбор, рассудительная, смелая, самостоятельная, деятельная. Художник влюбляется в окружении великолепной, мощной, потрясающей природы Алтайских гор, тайги и снежных вершин, одновременно оживает и его дух, снова способный творить. Сопряжение природного ландшафта и ландшафта культурного играет в произведениях Аскарлова значительную роль. Но в этом слиянии философский взгляд писателя остается антропоцентричным. Природа Алтая, которой нельзя не восхититься, – не определяющая сила, не слепой фатум. Для автора она является предметом эстетического любования и осмысления. Ценность природы приобретает через человеческое, художественное восприятие. В произведениях Аскарлова природа в понимании человека – скорее, нечто, нуждающееся в защите, заботе и любви. Это можно заметить в рассказах об охоте, в живописных картинах повести «Однажды осенью, далеко в горах». Природа, продиктовавшая когда-то людям способ выживания в этих местах, сформировала уклад жизни, хозяйственность, неторопливость, практичность алтайских казахов, их умение привести в порядок то, что, казалось бы, трудно поддается упорядочиванию – повороты истории и крутые виражи индивидуальной судьбы, тяжелый труд в условиях богатой и суровой природы, где, словно награда и счастье, символ красоты и гармонии, качнет золотыми рогами прекраснейшее существо на свете – алтайский марал.

Каков же в итоге современный герой Аскарлова, портрет которого складывается из галереи персонажей его прозы? Это чуткий и тонкий человек, бесконечно скромный, смиренный, но не смирившийся, не желающий сдаваться на милость судьбы, рассчитывающий на природное умение казахов, по выражению автора,

«возместить недостающее и соединить несоединяемое». Фолкнер, создавший мир своих героев американского Юга, в своей Нобелевской речи так объясняет природу человека: «...человек не просто выстоит, но и преодолет трудности... ибо он наделен душой – духом, способным к состраданию, самопожертвованию, терпению». Эти слова можно отнести в прозе Аскарова в первую очередь. Таким образом, можно проследить образ нашего современника, который обращает к самому себе вопрос о том, как жить и для чего жить, это человек практический живой, сострадательный, самостоятельный, он отвечает на вопросы бытия исходя не из абстрактных идеалов, а полагаясь на опыт. В рассказах и повестях непредсказуемому фатуму противостоит лишь человеческая личность, способная ответить на вопрос, в чем смысл жизни не в риторическом, а в экзистенциальном смысле этого слова, необходимом для человеческой жизни, в индивидуальном осмыслении. Время Аскарова – это современный гуманизм, придание высшей ценности человеку. Аскаров подчеркивает: «эпоху определяют личности». Личный выбор – компас, по которому движутся герои Аскарова сквозь время, чтобы сделать мир лучше. Из этого вырастает человек современный, меняющийся, мыслящий, способный идти вперед, сохраняя мужество и стойкость.

В январе 2022 года отмечают:

70-летие

Кольбай АДЫРБЕКУЛЫ, *прозаик*

Копен ЕРКАСОВ, *поэт*

60-летие

Ануарбек АУЛЬБЕК, *поэт*

Дуйсенбек АЯШУЛЫ, *поэт*

Светкали НУРЖАН, *поэт*

Достык ТЛЕУБЕРГЕНОВ, *прозаик*

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

